

Жон несся по грязной дороге в направлении горящей деревни. Он увидел дым раньше, чем само поселение. Большинство построек было в огне, но некоторые все еще стояли, хотя и ненадолго. Гримм рассекали по улицам и над головой пролетел невермор, визжа на кого-то внизу.

Это прошлое, протестовал его разум. Это должно было произойти где-то в это время. Я не могу изменить будущее настолько радикально. Я обещал, что не буду. Лучше всего будет позволить всему идти своим чередом.

Невермор начал пикировать на кого-то.

Он уже двигался, чтобы перехватить его. К черту осторожность и к черту будущее — он вернулся, чтобы изменить его, а не сидеть сложа руки и смотреть, как повторяются одни и те же трагедии. Если он собирается спасти своих друзей, то он, черт возьми, попытается спасти и кого-то другого.

«Эй!», — заорал Жон во всю глотку. «Я здесь, тупая ты птица. Подходи и сражайся с кем-то, кто в десять раз тебя меньше!»

Беовольф осмелился встать у него на пути, но через секунду упал, разрубленный от плеча до пояса, когда он уклонился в сторону и позволил импульсу зверя унести свое умирающее тело подальше. Притормозив и повернувшись, он отступил назад к телу монстра и вогнал *Stosea Mors* в его живот до рукоятки. Свободной рукой он отмахнулся от последней контратаки агонизирующей твари и поспешил дальше попутно выдернув меч из тела.

Охотник взревел: «Выжившие ко мне!». Конечно, должно было быть несколько выживших. «Я охотник! Подходите ко мне!»

Послышался испуганный крик слева, может быть в тридцати метрах, и немного ниже — в том, что выглядело как какая-то канава. Крик был слишком коротким, чтобы принадлежать гримм, слишком пронзительным и испуганным. Он двинулся в ту сторону инстинктивно, но он был не одинок в этом порыве. В вышине, невермор завизжал и начал пикировать в предположительное место крика.

Нет, он не позволит этому случиться. Ноги стремительно несли его к цели, переходя от травы к земле и камням, когда он поспешил перехватить монстра, который видел что-то внизу. Он добежал и на мгновение он подумал, что выживший проиграл. Но к его удивлению, гримм, как будто передумал. Монстр выглядел сбитым с толку, неуверенным, вглядываясь вниз, как будто он потерял свою добычу.

Жон врезался в него секунду спустя. Его тело сбило зверя с ног и уронило в канаву, где плескалась вода, буквально всего в один фут глубины. Птица визжала и царапалась, оглушая его тело своими огромными крыльями. Он проигнорировал это, схватившись за меч, который упал при падении, и вскинул его над головой. «Умри!», — он взревел, вонзив меч в грудь монстра. Клинок вошел по рукоять, прорезая перья, кожу и мышцы. Даже тогда борьба гримм

не прекратилась, он продолжал сражаться за свою жизнь.

Вода плескалась вокруг него, когда он откатился в сторону, восстанавливаясь после столкновения. Невермор сумел неустойчиво встать на ноги, но вода сковывала него, не давая ему взлететь. Он проскользнул под одно из его крыльев и разрезал сухожилия, соединяющие конечность с его телом. Монстр снова взвизгнул и упал, разбрызгивая кровавую воду и обливая Жона ею.

Не было ни намека на пощаду в его атаках; это больше походило на работу мясника. Он бил и рубил эту тварь, пока она не прекратила двигаться и еще немного, пока она не начала полностью растворяться. Через несколько секунд он сделал паузу, чувствуя воду, которая текла вокруг его лодыжек и слушая свое резкое дыхание.

Кто-то хныкнул позади него. Выжившие, конечно, он почти про них забыл. Он знал, что у него не было утешающего взгляда, но с этим ничего не поделать. «Вы в порядке?» -спросил он, шлепая в их сторону. «Я здесь, чтобы помочь вам, Я-»

Жон застыл.

«Ты охотник», — сказал мальчик, удивительно спокойным и вежливым голосом, особенно учитывая тот ужас, который он только что видел. Он был маленьким, с черными волосами и розовыми глазами.

Он узнал бы глаза своего лучшего друга где угодно.

«Я-я», — сказал Жон, поправляясь. Его глаза впились в Нору, которая цепляясь за бок Рена. Его сердце разбилось. Курююри. Это был Курююри. «Я охотник, и я здесь, чтобы помочь вам. Вы в порядке?»

«У нас все хорошо», — прошептал Рен. Он приобнял Нору и девушка заметно успокоилась, так неестественно. «Мой отец помог нам сбежать. Он... я не думаю, что он еще жив. Моя мать тоже умерла».

Ни один ребенок не должен так говорить, не говоря уже о таком спокойном выражении лица. Он заметил, что Рен сжимал в одной руке нож, который был слишком большим для него. Судя по тому, как его пальцы сжимали его, он знал, что его не убедить расстаться с ним.

«Хорошо. Я собираюсь вытащить вас двоих отсюда. Я просто...»

Крик оборвал его. Его голова повернулась назад к деревне. В деревне еще были живы другие люди, хотя это ненадолго. Они будут убиты без его помощи. Его взгляд остановился на Норе и Рене, тихих и ожидающих его указаний. Нерешительность рвала его, скручивая внутренности в тугие узлы.

Рен и Нора были бы в порядке. Они этого еще не знали, но он знал. А все остальные? Они были обречены. Каждый человек здесь собирался умереть страшной смертью, и если он уйдет с этими двумя, то он обречет всех тех, кто еще жив на смерть.

«Есть другие, которым ты можешь помочь», — прошептал Рен. «Я. .мы. .мы можем убежать самостоятельно».

Они могли бы, но он не хотел их оставлять. Как он мог позволить своим друзьям уйти после того, как он только что нашел их снова? Как он мог отпустить их, когда знал, что они будут бороться самостоятельно, по крайней мере, в течение нескольких лет? Да, ситуация улучшится для них позже, но это будет позже. Прямо сейчас они нуждались в нем.

Но так же были люди, которые до сих пор еще живы в деревне.

Черт. Пошло все к черту. «Твое проявление разблокировано?» — спросил Жон, падая на колени и взяв Рена за плечи.

«Что?»

«Твое проявление», — повторил он, практически шипя. «Оно разблокировано? Оно работает?!»

Рен выглядел смущенным, но понимал, что сейчас не время спорить или спрашивать, почему странный человек знает так много. «Д-да, оно разблокировано. Благодаря нему мы избегали невермора».

Хорошо. Отлично. Это объяснило, почему птица выглядела потерянной на секунду. С этим проявлением Нора и Рен будут в полном порядке. Они были в основном невосприимчивы к угрозе любого гримм и он знал из будущего, что опасности нет. Несмотря на это, Жон скинул свой рюкзак. «Вот, возьми эти припасы. Там есть еда, вода и туристическое снаряжение. Используйте это, чтобы обезопасить себя».

«Я, но... как насчет тебя?»

«Со мной все будет хорошо», — сказал охотник, уверенно улыбаясь. «Мне нужно вернуться и посмотреть, выжил ли кто-то еще там. Если это так, я спасу их».

Нора заговорила впервые, робко выглянув из-за спины Рена. «М-мы увидимся снова?»

Волна ностальгии охватила его. Нора выглядела такой мягкой и уязвимой, как никогда раньше. Он протянул руку и она отпрянула, только для того, чтобы остановиться, когда поняла, что он протягивает ей свой мизинец. «Вы увидите меня снова».

Она застенчиво приняла его своим собственным мизинчиком. «Обещаешь?»

«Я обещаю.» Чувство ностальгии прошло, когда он отпустил ее и встал. Он посмотрел прямо в глаза Рена. «А теперь идите и доберитесь до безопасных мест. Всегда держи свое проявление активным и не останавливайтесь, пока не достигнете цивилизации. Ты все понял?»

«Да». — Рен кивнул. «Мы позаботимся друг о друге».

«Хех. Я знаю, ты сможешь». Это было самое трудное решение в мире, повернуться и убежать, оставив своих друзей позади, даже если это не было неопределенной судьбой. Тем не менее, было бы хуже смотреть им в глаза десять лет спустя, зная, что он не ударил пальцем о палец, чтобы попытаться спасти деревню. Он взял Crocea Mors в руки и пошел в сторону деревни, глазами сканируя окружение.

Несколько гримм заметили его и начали окружать, но он успел увидеть, как двое детей проскользнули с его сумкой. Гримм не обращал на них внимания, подчиняясь силе проявления Рена. Эти двое будут в порядке. На данный момент он должен был сосредоточиться на тех, для кого его помощь могла иметь значение. Это означало, что путь лежал в сторону главной деревенской площади, где дома все еще были в целостности и сохранности.

«Убирайтесь с моего пути», — прорычал он гримм окружившим его.

Они выли и ревели в ответ. Всегда было все то же самое. Было бы, неплохо, если бы метка Салем на самом деле могла что-то делать — может быть, делала бы его невидимым для гримм, как Рена или позволяла бы приказывать им. Вместо этого он поступил, как всегда поступал в таких ситуациях, трансформируя щит в ножны и прикрепив его обратно к бедру, поднял Crocea Mors в двух руках.

Первый беовольф казался удивленным, что его добыча напала раньше, чем он. Это колебание стоило ему разрубленной головы. После этого движения Жон обошел зверя и выдернул из его черепа меч. Только для того, чтобы вонзить его в бок другого, прямо в сердце.

Остальные напали, когда до них дошло, что их убивают. Коготь пронесся над его головой и он убил атакующего в ответ. Еще один попытался прыгнуть и раздавить его, но он отодвинулся в сторону и использовал его, чтобы прикрыть спину, отбросив коготь третьего в сторону острием своего меча, а затем прошелся вдоль его тела, чтобы отрубить конечность беовольфа по плечо. Зверь взревел, но Жон уже двигался, действуя мечом позади него на уровне шеи. На уровне шеи гримм, во всяком случае. Как и ожидалось, когда он оказался там, то вскоре монстр оказался на голову короче.

Беовольфы действительно были предсказуемы. Это было то, что делало их такой легкой добычей, по крайней мере для опытного охотника. Руби могла справиться с шестью или семью в мгновение ока в возрасте пятнадцати лет. Он превозмогал одного в семнадцать лет, но к восемнадцати годам был способен победить десяток-другой. По крайней мере, его самой большой силой было то, насколько быстро он адаптировался.

Теперь, с дополнительным опытом интуиции Кроу и Озпина, не говоря уже о постоянной военной кампании против Салем, такие гримм не были ему противником. Угроза была в их подавляющем количестве, а восемь или около того было для этого недостаточно. Он проскользнул в слепую зону последнего и оттолкнул его лапу, используя ее как трамплин, чтобы взлететь и вонзить меч в его нижнюю челюсть, прямо в мозг. Монстр упал с бульканьем, а Жон двинулся дальше по дороге, используя свой вес, что бы вытащить меч из туши.

Кто-то закричал: «Помогите! Помогите мне, пожалуйста! Кто-нибудь!»

«Я охотник!» — Проорал Жон в ответ. «Где ты?»

Спустя некоторый промежуток времени, пока кто-то осмысливал то, о чем и не мог мечтать: «П-пожалуйста», — закричала женщина, рыдая. «Пожалуйста, помогите. П-пекарня! Я в пекарне!»

Он определил место сразу: витрина магазина с разбитыми окнами и несколькими буханками хлеба на витрине. Беовольф рвался в дверь, которую держали закрытой. Другой пытался прорваться через окно, вызывая испуганные крики изнутри.

Охотник мгновенно сократил дистанцию, ударив мечом в спину того, кто пытал свое счастье у окна, рывком возвращая оружие назад, орошая себя кровью и опрокидывая зверя назад. Тот, что был у двери, попытался ударить его, но промахнулся на несколько дюймов, не сумев попасть по вертлявой добыче. Замешкавшемуся монстру он сунул *Strosea Morgs* прямо в глотку и потянул в сторону, отрубив его голову одним резким ударом. Чудовище упало, словно дерево, подрубленное у основания и свалившееся в сторону.

«Ты в безопасности», — выдохнул Жон. «Я здесь».

Дверь приоткрылась, как будто женщина все еще не могла поверить своим ушам. Пара зеленых глаз встретились с его глазами, покрасневшие и мокрые от слез, которые текли по ее щекам. Она была молода — от двадцати до тридцати. «Т-Ты-я... я...»

«Все хорошо. Я убил гримм. С тобой все будет хорошо. Нам нужно вытащить тебя из деревни и найти еще выживших, которых мы сможем спасти. Ты можешь двигаться?»

Женщина кивнула, она была слишком взволнована, чтобы выдать из себя какие-либо слова, за исключением разве что нескольких хныков. Несмотря на испуг, она, казалось, была готова — почти до крайностей — делать все, что он ей скажет. Смелость, необходимая для того, чтобы выйти из магазина и попасть в эту адскую дыру, была бы невозможна для многих других. «Кто...?» — спросила она. Ее голос оборвался на полпути.

«Я охотник, это все, что тебе пока что нужно знать. Там кто-нибудь еще жив?»

Со слезами на глазах она покачала головой.

«Ты видела кого-нибудь еще из живых?»

Еще одно хныканье и еще одно качание головой. «Я... я видела мистера Ли», — прошептала она. «Он пытался сражаться с монстром».

Ли Рен, отец Рена. Он был уже мертв. Черт. По правде говоря, он уже знал, так как старая история Рена подразумевала отступление к канаве только после того, как оба его родителя были убиты. Там не было никакой надежды ни для одного из них на данный момент, но был шанс для этой женщины. «Как тебя зовут?»

«Э-Энни...»

«Хорошо, Энни. Мне нужно, чтобы ты держалась поближе ко мне и делала все, что я говорю, хорошо?» Жон потянул ее за руку, притягивая к себе. Девушка дрожала, как лист и чувствовала себя почти на грани истерики, прижимаясь к незнакомцу, залитому кровью. «Ты увидишь некоторые вещи, которые будут пугать тебя, но важно, чтобы ты не убегала от меня. Я не смогу помочь тебе, если ты убежишь. Мне нужно, чтобы ты мне доверяла».

Энни кивнула и вцепилась в его руку.

«Мне также нужна моя рука обратно», — сказал он, морщась ее от испуганного взгляда. «Мне нужно использовать ее, чтобы защитить тебя. Поверь мне, и я вытащу тебя отсюда».

«Хорошо». Она неохотно отпустила его, хотя он не сделал никакого движения, чтобы освободиться. Если мир работал над концепциями предназначения или судьбы, то ее судьба — умереть. Это женщина, которая не будет — не может быть живой в будущем.

Но в этом и был весь смысл моего возвращения, не так ли? Я здесь, чтобы изменить будущее. А если Энни окажется каким-то психом-затейником и массовым убийцей когда-нибудь в будущем? Ну, тогда он разберется с ней сам. Прямо сейчас она была молодой девушкой, которая этого не заслуживала.

Жон жестом предложил ей следовать за ним, когда он пересек площадь, прислушиваясь к окружению. Это была самая опасная часть плана. Он сам был тут в безопасности, но с выжившей все стало несколько деликатным. Его первым инстинктом было покричать еще, но это бы только привлекло гримм, а так как теперь у него был кто-то, кто не мог защитить себя сам, приходилось извращаться.

Даже если лучшим вариантом было отступить только с одним выжившим, он хотел искать дальше. Возможно, хотя и маловероятно, что один из родителей Рена может быть еще жив. Рен считал их обоих убитыми, но если он появился здесь достаточно рано...

«Ты помнишь, где ты видела, как Ли сражался с гримм? Возможно, он еще жив».

«Он — нет», — сказала Энни, слегка всхлипывая. «Я... я видела, как он умер».

Жон выругался. «Ты знаешь, где его жена, или их дом?»

Она указала на маленький аккуратный домик сбоку, в ста метрах вниз по мощеной дорожке, без гримм, по крайней мере, на данный момент. Жон кивнул и жестом предложил ей следовать за ним, держась близко к зданиям, чтобы он мог отразить потенциальное нападение с одной стороны. Некоторые из домов горели, но пламя еще не привело к разрушению стен.

Они достигли здания на которое указала Энни довольно быстро, и он велел ей подождать снаружи, пока он осмотрится внутри. «Если что-нибудь увидишь, зови меня». Не дожидаясь ответа, Жон протиснул свое тело через поврежденную дверь, само здание было разрушено. «Блин!» — ругнулся он. «Миссис Ли, вы тут? Вы меня слышите?»

Нет ответа. Он прошел немного дальше, опасаясь крыши над собой, которая начала трескаться и рассыпаться. Коридор был пуст, но краткий взгляд в комнату слева показал, что крыша там уже рухнула. И там, под обломками, лежала женщина.

Жон присел и приложил руку к ее шее. Через секунду он убрал руку и злобно выдохнул. «Черт».

«О-охотник, на помощь!» — послышался вдруг крик Энни.

Сгосеа Морс покинул свои ножны и через несколько секунд Жон уже оказался на улице, прижав испуганную девушку к себе, параллельно ища угрозу. Он не смог заметить приближающихся гримм, хотя темные фигуры все время мелькали на краю зоны видимости. «Что случилось?»

«Там», — сказала она, указывая. «Я слышала, как люди кричали — другие жители деревни!»

Выжившие? Он не смел и надеяться, но вместо этого кивнул и вприпрыжку рванул в указную сторону, стараясь держать свой темп достаточно медленным для его шальной спутницы. Гримм, казалось, не интересовались ими обоими и причина, почему, стала очевидна, когда голоса и крики стали громче. Энни была права, здесь все еще были люди. Он также слышал треск пистолета. Они все еще сражались, но как долго это продлится, все еще оставалось загадкой. Рен понятия не имел, были ли выжившие из Куроюри или, по крайней мере, он не сказал, что они были. Когда Жон и Энни завернули за угол, он понял, почему.

Они не выжили — или не выживут.

Это была группа людей, запертых в каком-то ресторане, маленькой закуской со стеклянным

окном, из которого фавн стрелял, используя какое-то оружие. Другой житель, человек, стоял у двери, сжимая что-то похожее на сковородку. Это могло бы быть смешно, если бы не явное отчаяние и звуки плачущих внутри детей. А потом он увидел его, медленно идущего к закуской с телом человека средних лет, отцом Рена, прикрепленным к его спине.

Нукелави.

Если он здесь, тогда эти люди должны быть убиты, потому что иначе не было бы возможности бросить ему вызов в будущем. Все здесь — и дети, и все остальные, вот-вот будут убиты им.

«Вали в закускую», — прошипел Жон.

«Ч-что...?» — начала отвечать Эни.

«Зайди в здание и забаррикадируй дверь. Попытайся связаться хоть с кем-то, кто пришлет подмогу. Позвоните в Мистраль, если можете, или любому, кто выслушает и пришлет буллхед».

«Ты собираешься попробовать сдержать эту штуку?»

«Нет», — ответил охотник. «Я собираюсь его просто убить».

Ему что-то пыталась сказать, он он не слушал. Он потащил ее к закуской, привлекая внимание тех, кто находился внутри, а затем подтолкнул ее к выжившим. Один из них выбежал, чтобы взять ее и оттащить назад, наградив его благодарной, но несколько испуганной улыбкой. Да, они бы попытались спастись, но этого было бы недостаточно. Если он не сможет изменить их будущее. Он встал перед зданием с мечом наготове и согнул ноги.

Нукелави увидел его, но, похоже, его не беспокоило вторжение. Он поднялся и взмахнул копытами, тело, похожее на лошадь, казалось гораздо более живым, чем всадник, который телепался вперед-назад, как марионетка с обрезанными нитями. Хуже было Ли Рену, который при этом маневре врезался в тротуар. Его тело, уже мертвое, подвергалось такому небрежному обращению.

Во-первых, он убьет нукелави. Затем он выведет этих людей отсюда в безопасное место. А потом, когда все закончится, он вернется и похоронит родителей Рена. Его друг, возможно, сначала не осознает этого, но если будущее настанет, и команда RNJR действительно придет сюда, он увидит, что кто-то достаточно заботился о его родных, чтобы похоронить их вместе. Это было бы ценнее, чем целый мир для Рена.

Но он должен был сначала убить эту штуку. Это было немалым подвигом, учитывая, что прежде потребовались согласованные усилия всей его команды, не говоря уже о проявлении Рена. С другой стороны, он стал сильнее, чем был. Тренировки Кроу не прошли даром. Жон бросился на гримм прежде, чем тот смог что-то сделать — удивив на мгновение, прежде чем он

взвизгнул и поскакал к нему навстречу. Он должен был отогнать его подальше от закуской, чтобы ограничить сопутствующий ущерб, при этом еще оставив себе место для маневра. Его глаза встретились с гримм, его лошадиными и он приготовился, сжимая *Stosea Mors* в одной руке.

В последнюю секунду он наклонился и откатился в сторону, не поднимаясь, когда монстр прогремел мимо. Сталь вспыхнула, подрезая заднюю ногу под суставом, испаряя плоть и мускулы своим собственным импульсом, а не его силой. Нукелави взревел от дискомфорта и почти споткнулся. Он удержал равновесие в конце концов и ударил копытами. Жон отступил назад, падая и откатываясь в сторону, когда копыта пролетали перед его лицом. Монстр развернулся и попытался наступить на него обеими ногами, но он снова откатился кувыркаясь, на этот раз проскользнув под ним. Его мускулистые ноги бились и дергались, когда он пытался попасть в увертливую добычу. Когда создание замешкалось, Жон вонзил свой меч в его живот, обойдя бронированные пластины, прямо в мягкую плоть.

Его победная улыбка застыла, когда он почувствовал, как что-то схватило его за ногу. Одна из рук всадника, вытянутая, как у какой-то гориллы, схватила его за лодыжку. Он дернулся и упал, но его вытащили из-под копыт и пытались держать. Зверь поднялся и сделал очередную попытку проломить череп охотнику своим копытом. Вместо этого он ударил по его щиту, который Жон вытащил и развернул перед собой. Сила удара уронила его на бетон, вызвав оглушительный грохот и еще более испуганный крик у выживших.

Еще один удар обрушился как метеор, разгоняя своим движением клубы пыли. Пока щит держался, но он знал, что третий удар уже не удержит. Он ударил свободной рукой, прижимая щит к плечу и атакуя руку, сжимающую его левую ногу. Он освободился с отвратительным хрустом и всадник застонал более медленным, но более воинственным тоном. Конь фыркнул и поднял голову, выдохнув на него газовое облако изумрудного цвета.

Прикрыв нос и рот, оставив свой щит, Жон откатился и вскочил на ноги, подальше от опасного облака. Он слышал истории, но никогда не видел эту атаку. Их план убил Нукелави слишком быстро в прошлый раз. Тем не менее, он ранил его и сам получил несколько ударов. Быстрый взгляд на его свиток показал, что у него нет свитка, а это означало, что лучшее, что он мог сделать со своей аурой, это догадываться сколько ее осталось. Вероятно, он был еще наполовину полон, но эти удары покрыли его синяками.

Монстр не был заинтересован в паузе и бросился в атаку. Его копыта мелькали с такой яростью, что отбросили его назад одной лишь агрессией и теперь всадник казался более настороженным, размахивая руками, пытаясь добраться до него. Он отгонял его как мог, но дневной переход уже утомил его и он чувствовал, как начинают болеть мышцы. Этого не было планах. Он должен был вернуться и изменить будущее, не так безрассудно. Спешка, как эта, может легко убить его, прежде чем он изменит это чертово будущее.

Этого не могло произойти. *Stosea Mors* отразил следующую атаку прочь, сила атаки заставила стонать металл и его руки. Со стиснутыми зубами он прорвался сквозь копыта и бросился к зверю, точнее к его груди. Гримм повернулся в последнюю секунду, чтобы защитить свое сердце, хотя это не спасло от лезвия, глубоко засевшего в его боку. Вместо того, чтобы отступить, как следовало ожидать, Жон использовал свой меч в качестве рычага и запрыгнул

на спину Гримм, так что бы сесть за всадником. Нукелави застыл в шоке — но только на мгновение.

Вскоре чертов монстр взбесился.

Нукелави трясся и вертелся, гарцуя, чтобы сбросить его. Жон обнял всадника за талию, более чем осознавая, насколько это была плохая идея. Всадник попытался повернуться, чтобы прогнать безбилетника, но застонал от боли, когда он, вместе с Жоном врезался в стену здания. Теперь лошадь врезалась в здания и Жон стискивал зубы, когда его аура вспыхивала, предотвращая очередной фатальный вред организму, но не спасая от боли.

В тот момент, когда очередная стена поддерживала его, сдирая кожу, он протянул обе руки, чтобы схватить за шею всадника. Сражаясь за свою жизнь с нукелави, лихо пересекавшим центральный двор, он дергал руками из стороны в сторону, пытаясь свернуть шею. Он никогда не катался на человеке или Гримм до этого и это оказалось гораздо сложнее, чем показывали в фильмах. Чудовище сражалось против охотника весь путь, пусть не своими руками, а скорее своей грубой силой, бросая свое тело то влево, то вправо. В какой-то момент он сделал это так сильно, что Жона оторвало от его спины, заставив повиснуть рядом. Жон поморщился и уперся ногами в спину своему транспорту, что бы использовать свои нижние конечности в качестве поршня, отталкиваясь, не отпуская при этом шею противника.

Шея всадника сломалась от рывка.

Он упал на бок и висел, но все же сумев повернуть свою голову, чтобы посмотреть на Жона своими горящими глазами.

«Этого не достаточно?», — мужчина взвыл. «Да умри ты уже!» Он взял его голову и снова повернул, на этот раз в другую сторону. Был еще один треск и всадник резко упал вперед, либо мертвый, либо парализованный. Сама парнокопытная гора завизжала от боли и сбилась от основного пути, которого она придерживалась, вниз к канаве. Гримм уткнулся в отвал на берегу, опрокинулся и соскользнул вниз. Вода плеснула вокруг и нукелави перевернулся, утягивая всадника за собой дальше и в глубину. Находясь в легком шоке от боли, охотник отпустил зверя.

Движения противника не были осознанными. Монстр выглядел так, словно получил повреждение мозга, спотыкаясь, как будто тело его не слушалось — несмотря на то, что он все еще был жив и способен функционировать. Как пьяный он шатался и спотыкался. Однако ему удалось встать на ноги и зарычать на него. И что еще хуже, *Crocea Mors* все еще торчал застрявшим в его боку. Жон попытался пошевелиться и вздрогнул, когда боль пронзила его левое бедро. Быстрый взгляд вниз обнаружил неприятную рану, красную от крови, окрашивающую воду в розовые тона.

Он знал, что он сильнее этого, но он так привык сражаться в группе и в команде, что ему никогда раньше не приходилось делать это в одиночку. Был ли это его план, Руби или Рена, всегда найдется кто-то, кто будет следить за его спиной и отвлекать врага, если он зайдет

слишком далеко. Но не здесь. Он был теперь сам по себе и эта серьезная битва, первая с тех пор, как он вернулся, только подтверждает этот факт. Но если он не может убить даже эту штуку, то как он мог надеяться побороть все остальное, с чем ему бы пришлось столкнуться? Тириан, Уоттс, Хейзел и даже сама Салем. Они все будут мелькать в его будущем и им всем нужно умереть, если он собирается что-то изменить.

Изнуренный и с ноющими мышцами, Жон выдвинул одну ногу вперед и принял стойку, которой научил его Рен, Озпин довел до ума, а Кроу научил грязным и жестоким штукам. Он не был Ян Сяо-Лонг, но он мог постоять за себя в рукопашной.

Он обязан.

Нукелави был в не намного лучшем состоянии, и это было очевидно по тому, как он тяжело дышал и не атаковал его, несмотря на свое преимущество. Всадник валялся бревном на его шее и по обе стороны от нее свисали руки, волочащиеся по воде, а лезвие, застрявшее в боку, было загнано еще глубже из-за его импровизированного падения в акведук. Они оба были потрепанны, но теперь у охотника было больше шансов на победу, чем в первое их столкновение.

Звуки стрельбы выше прекратились. Оставшиеся в живых, оставленные в той закуской, были еще живы? Он понятия не имел и не мог ничего об этом сказать. Все, что он мог сделать, это добить эту штуку и попытаться вернуться к ним. Имея это в виду, он шагнул вперед через воду, медленно пробираясь к гримм. Гримм не уклонялся, но и не атаковал его. Вместо этого он перестал перебирать копытами и с беспокойством наблюдал за ним.

Его ноги слабо вздрогнули и одна ударила по воде, окатив Жона с ног до головы водой. Монстр хватал ртом воздух, Жон подошел и внимательно следил за зверем, готовясь к атаке, которая никак не начиналась. Гримм дернулся последний раз и затих. Куски его плоти начали разрушаться и растворяться.

«Наконец-то». — прохрипел он. Измученный, он поплелся к телу, чтобы освободить свой меч. У него не было ни сил почистить его, ни вложить в ножны, которые он к слову где-то посеял. Он уронил их за пределами канавы, где-то во дворе перед закуской.

Выжившие. Он должен найти их.

С мечом в одной руке, а другой сжимая раненую ногу, Жон пополз вверх по склону к ровной земле, отчаянно прислушиваясь к звукам любого сражения, любого гримм или даже криков умирающих. Все, что он мог слышать — только глухое жужжание в его голове, похожее на статическое электричество или на поток воды. Когда он достиг вершины, его рука схватила и сжала что-то мягкое и одновременно твердое. Его глаза гуляли в поиске такого удивительного материала и мгновение спустя, сквозь дымку усталости, яда и потерянной ауры он увидел нечто, похожее на черный ботинок. Его рука сжималась вокруг лодыжки. Это была нога человека, а не гримм.

С этой последней мыслью силы оставили его. Он рухнул вниз на землю.

Его разбудил крик какой-то далекой птицы, но его глаза открылись не из-за этой радостной трели, и даже не благодаря яркому летнему дню, освещающему белую палатку сливочного оттенка, а из-за агонии, пронзающей его тело. Он инстинктивно согнулся пополам, обхватив голову одной рукой и громко застонал. Было ли это его судьбой, переходить с одного поля битвы на другое и каждый раз терять сознание? Сначала с океаном, а теперь и после битвы с нукелави, казалось, что просыпаться в какой-то очередной незнакомой постели стало нормой. Янг могла бы схохмить на эту тему. Рен скорее всего бы укорил его за то, что он так безрассуден, и имел бы на это вполне веские основания. Не было особого смысла возвращаться, если его убьют как идиота.

«Я боролся с нукелави», — проговорил он, пытаясь понять, что произошло. Краткий всплеск гордости наполнил его. «Я убил нукелави». Он смог вспомнить, как пытался выбраться из канавы пока не увидел кого-то и потерял сознание. Это определенно был человек, как будто тот факт, что он был жив, не был достаточно подсказкой. Неужели выжившие таки спаслись? Был ли он подобран ими и доставлен в безопасное место?

Ничто в его окружении не давало подсказок на этот счет. Он лежал на невысокой кровати, которая была несколько ветхой и собранной из деревянных палок. Его одеялом служила льняная простыня и с одеялом из овечьего меха, накинутым поверх. Палатка была пустой, девственно чистой. Стоял центральный столб, который держал купол палатки, но кроме этого не было ничего, кроме платяного шкафа или табуретки. Его меча и щита нигде не было видно.

Именно осознание этого заставило его подняться на ноги, даже когда он чуть не закричал, на мгновение попытавшись опереться на левую ногу. Рана, нанесенная нукелави была все еще там, хоть и перевязанная, но боль была постоянным напоминанием о ней. Осторожно, он снова опробовал свои силы и ему стало проще стоять, когда он привык к этой боли. Больно и он будет хромать, но он мог ходить и в этом суть. Он должен был найти свой меч. Это было последнее, что осталось от Пирры.

Занавес палатки не был закреплен и легко открылся, когда он выходил. Ранние утренние солнечные лучи стекали с его тонкой рубашки и таких же тонких брюк, остатки одежды племени Дель-Ашари или, по крайней мере, то, что не было испорчено пятнами крови. Его волосы были распущены и его подбородок ощущал легкую небритость, хотя он предполагал, что это все еще выглядело раздражающе детским пушком, желтых оттенков. Он, вероятно, выглядел так же жалко, как и человек, которого сбил буллхед.

Тем не менее, он шагнул на вытопанную грязную дорожку, которая проходила между серией конусообразных палаток и шатров. Они были разных цветов и были разбросаны в случайном порядке, почти не обращая внимания на симметрию, смысл или удобство расположения. Это могло бы напомнить ему карнавал, если бы не отсутствие каких-либо песен, танцев или звуков

веселья. Кто-то, проходящий рядом, увидел его и с проклятиями бросился прочь.

«Во что я ввязался сейчас?»

Шум слева привлек его внимание, звук голосов, а также удары дерева по дереву. Он двинулся к нему, осознав, что это какой-то спарринг, подойдя ближе. Между двумя палатками был промежуток, и он протиснулся сквозь грубый круг из бревен. Внутри мужчина сражался с девочкой, которой было десять или одиннадцать лет. Они оба использовали деревянные мечи, но эта уступка — все, что получил ребенок. Человек скрутил и разоружил ее, а затем отвесил ей пощечину.

«Держи свое оружие или умри!»

«Пошел ты!» — ответило милое дитя.

«Большие слова от кого-то с разбитой губой. День, когда ты сможешь подтвердить свои угрозы, — это день, когда я буду воспринимать их всерьез.» Мужчина пнул ее меч в ее сторону и отдать ей должное, она поймала его. «Сделай перерыв. Мы продолжим позже».

«Почему не сейчас?» — последовало требовательное возмущение «Я все еще могу бороться!»

«Потому что, если бы ты использовала те навыки, которые я пытаюсь вдолбить в тебя, то, ты бы поняла, что у нас появился незваный гость».

Это было сигналом к тому, что их внимание переключилось на него и Жон выдержал это без какой-либо слабости, твердо держась даже с поврежденной ногой и изрядно уставшим. Он шагнул к рингу, не делая попыток спрятаться. Многие из тех, кто находились вокруг и перед своими палатками, также заметили его, а некоторые остановились, взявшись за оружие и наблюдая за ним. Они расслабились, когда стало ясно, что он не был вооружен.

Вблизи человеку было лет сорок с чем-то, с седыми волосами и бледной кожей. На нем была свободная кольчужная рубашка и кожаный ремень, на котором висели несколько ножей. Девушка, с другой стороны, была загорелая и имела короткую стрижку черных волос с ледяными голубыми глазами.

Жон сфокусировался на мужчине и кивнул. «Я ищу свой меч и информацию о том, что случилось с выжившими, которых я нашел в Куроюри. Вы знаете, где я?»

«Да, я знаю», — сказал он. «Но не уверен, что ты знаешь, тем не менее».

«Мне не нужно было бы спрашивать, если бы я знал». Назовите его вспыльчивым, но он был не в настроении для таких игр — не с пропавшим Crocea Mors и с неизвестной судьбой тех, за кого он рисковал своей жизнью. «Что случилось с выжившими?»

«Ушли в ближайшую деревню», — сказал человек. «Они хотели взять тебя с собой, ну или точнее одна деваха хотела, но ты был слишком сильно ранен, чтобы тебя транспортировать».

Облегчение нахлынуло на него. Они выжили и Энни, судя по всему, тоже. Это было... честно, это было прекрасно. Это было облегчение и упоение одновременно, потому что это было доказательством — окончательным доказательством, что он мог изменить ход вещей. Он смог изменить будущее, даже если это были просто жизни нескольких человек.

«Спасибо за это», — сказал он, кивая. «Но это ответ только на один из моих вопросов. Где мой меч?»

Девчушка, которая еще не вышла с ринга, начала дрожать в тот момент, когда он появился. Теперь, разъяренная тем, что ее так легко игнорируют, она топнула ногой и указала на него своим деревянным мечом. «Хватит игнорировать меня, ублюдок!»

Жон и собеседник — оба сделали паузу. «Проблемы?»

«Ты слышал меня! Перестань игнорировать меня! Ты приперся сюда и прерываешь мою тренировку, а затем стоишь там и задаешь глупые вопросы. Твой меч явно не здесь, так что хватит тратить мое время и свали отсюда». Речь была достаточно шокирующей для такой молодой личинки человека, но явное высокомерие, отличающееся от такового Вайс своим примитивизмом — удивило его. Он услышал, как тренер что-то пробормотал об отморозках, но мужчина отошел, оставив Жону справляться с этим самому.

«Прости, если я тебя проигнорировал», — сказал он, совсем не извиняясь, но зная, что такое высказывание рассерженному ребенку не успокоит ее. «Я просто пытался выяснить, где мой меч и...»

«Меч, меч, меч, это все, о чем ты думаешь?»

Жон прищурился. «Он важен для меня».

«Да? Сентиментальная вещица?» Девчонка усмехнулась ему. «Бу-ху-ху, это меч твоего папаши и он отдал его тебе, когда помирал?»

«На самом деле мой друг», — сказал он. «И она умерла за это».

Он ожидал, что она отступит или задохнется от стеснения. Вместо этого она рассмеялась. «Это просто показывает, что ты был слишком слабым, чтобы остановить это».

Послышался громкий треск. Возможно это трещало его терпение.

«Прости...?»

«Ты был слабаком», — повторила девочка, не почувствовав внезапного напряжения в воздухе. Но не все остальные. Они отодвинулись, а их руки потянулись к оружию, когда они почувствовали угрозу в воздухе. «Могу поспорить, что твоя подруга проклинала тебя за твою никчемную слабость, умирая, потому что, если бы ты был сильнее, она бы не сдохла. Я права, не так ли?» Она засмеялась. «Ты жалок. Просто жалкий и слабый кусок дерьма!»

Дыхание Жона стало медленным и размеренным. Сохраняй спокойствие, сказал он себе. Пирра бы голову тебе оторвала, если бы ты использовал то, чему она научила тебя против ребенка, даже такого невоспитанного. Его рука, сжатая в плотный белый кулак, ослабла. «Может быть, и так», — признался он, потому что на самом деле все было правдой. За исключением той части, где Пирра проклинала его, конечно. Он знал, что она не стала бы. «Но теперь я сильнее, и мне все еще нужен мой меч. Я уберусь с твоего пути. Ты можешь вернуться к тому, чтобы быть избитой, если ты действительно этого так хочешь».

Деревянный меч остановил его, прежде чем он смог уйти. Девушка держала меч перед собой. «Нет, подожди», — сказала она, жестоко улыбаясь. — «Ты хочешь вернуть свой меч, а я — драку. Как насчет того, чтобы показать мне, насколько ты сильнее на самом деле, а?»

Он вздохнул. «Должен ли я делать это? Я ранен, не говоря уже о том, что я безоружен».

«Тогда я думаю, что я выебу тебя, не так ли?», — девушка засмеялась, качая головой. Это был хороший удар, быстрый удар и прицельный.

Деревянный меч громко ударился о его ладонь.

Девушка ахнула. «Какого?!»

Деревянная рукоять врезалась ей в живот, когда он толкнул меч обратно. Она задохнулась и выпустила его, когда он используя меч как рычаг перекинул ее через себя. Девушка совершила впечатляющее сальто, прежде чем приземлиться на спину в облаке пыли. Она в шоке уставилась на небо, а затем на острое лезвие, которое уперлось ей в горло.

«Мы закончили?» — спросил он, слыша смех толпы. Ее красные щеки были лучше любого ответа.

«Пошел ты», — прорычала она, отталкивая меч. Она вскочила на ноги и бросилась к своему тренеру, отбирая меч мужчины, он не сопротивлялся, но вздохнул и покачал головой. Он припомнит это ей, она имела довольно высокий болевой порог. Большинство детей ее возраста были бы в слезах после того, как ими выбили пыль. Хотя это было не слишком по мужски, но он не был в настроении изображать хорошего парня. Мало того, что он потерял свой меч, но она еще и сознательно оскорбила Пирру.

Никому не сходило с рук это.

Она повернулась и попыталась полоснуть его по лицу. Его собственное лезвие двигалось, чтобы заблокировать её и он увидел, что ее мышцы напряглись от удара. В последнюю секунду он отступил назад и финтовал, отступая в сторону. Девушка, настолько уверенная, что она вступит в контакт, слишком наклонилась вперед и споткнулась. Ей удалось сохранить равновесие или, по крайней мере, попытаться сохранить, пока он не подцепил пальцами ноги ее ногу и не сместил ее.

Толпа снова рассмеялась, когда она упала пыль. Она сердито хлопнула рукой по плечу и откатилась в сторону, снова встала и бросилась в атаку. Один, два, три диких слеша могли быть отклонены относительно легко, даже если бы он хотел их отклонить. На третьем он скользнул вокруг и ударил по ее костяшкам пальцев, выжав визг из нее, когда она уронила оружие. Она поймала его ногой, подкинула обратно и поймала бы, если бы он не остановил его лезвием. Произвольным движением, он отправил его обратно к тренеру, который поймал меч с хриплым смехом.

«Мы закончили», — сказал он, держа клинок под ее подбородком. На этот раз он утверждал, а не спрашивал. «Ты неплоха, особенно для своего возраста, но тебе действительно нужно научиться контролировать свой характер». Она была как Вайс и Янг вместе взятые, разве что без самоконтроля. «Желательно, раньше чем кто-то будет контролировать его вместо тебя».

«Пошел ты, ты, кусок дерьма. Я оторву тебе голову и...»

«И эта речь», — сказал он, ткнув ее не слишком мягко по голове. Она упала на колени, оглушенная. «Такие слова не делают тебя сильной. Они делают тебя дурой».

«Точно», — молвил голос позади. Девушка перед ним ахнула и побелела, а зрители замолчали. «Действия говорят громче, чем слова, как я уже говорила тебе раньше. Если ты хочешь говорить дерзкие речи, лучше подготовиться, чтобы подтвердить их силой, потому что я не буду рядом, чтобы помочь тебе, когда ты будешь бороться с чем-то, что ты не сможешь победить. И твой язык не сделает тебя сильней. Он никого не впечатляет и в первую очередь, он не впечатляет меня».

Девушка выглядела на грани слез. «Я-я извиняюсь... Я...»

«Извинения для слабых, Вернал. Становись сильной или убирайся с моих глаз».

Бездушная, властная и пренебрежительная к стыдящемуся ребенку перед ней. Он бы узнал этот тон в любом месте и этот голос, но он все-таки обернулся, чтобы убедиться. Она выглядела моложе, с более свежим лицом и без каких-либо усталых черт, которые он видел в будущем. Она стояла чуть более гордо, чуть более высокомерно и, если это можно так сказать, она была похожа на Янг больше, чем когда-либо прежде — но ее черные волосы, малиновые глаза и ухмылка, которые у нее были, отмечали ее как совсем другую женщину.

Рейвен Брэнвен.

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1778930>